

— Давэй! Давай пас! Чего застыл? Отличный момент! — в отчаянии выкрикнул товарищ по команде, стоявший в пустой зоне под кольцом.

У Совэй резко очнулся, но было уже поздно. В спешке он швырнул мяч в сторону щита.

Раздался оглушительный, неприятный грохот! Мяч с силой ударился о верхний край щита и отлетел в сторону, даже не коснувшись дужки кольца.

— Брат Вэй?! — изумленно воскликнули товарищи. На трибунах поднялся гул недоумения и разочарования.

Приземлившись, У Совэй яростно вытер пот с лица. Его взгляд был мрачнее тучи. Он заставил себя не смотреть в тот самый угол, выплескивая всю злость и обиду в последующую игру — в защите и нападении. Его движения стали пугающе агрессивными: перехваты, столкновения, блок-шоты — он действовал на пределе, как разъяренный лев.

В одном из быстрых отрывов, получив мяч перед пустым кольцом, он не стал делать легкий бросок. Вместо этого, собрав все силы, он высоко подпрыгнул и со всей яростью вколотил мяч в щит.

— Бах! — щит задрожал от удара. Гул стоял такой, что в зале на мгновение воцарилась тишина.

Лишь когда прозвучал пронзительный финальный свисток, У Совэй тяжело задышал и остановился. Пот ручьями стекал с его лба и висков. Он вытер лицо подолом майки и снова перевел взгляд на тот самый угол трибун.

Чи Чэн был там. Он сидел, опустив голову, густые ресницы скрывали выражение его глаз. Его длинные пальцы быстро скользили по экрану телефона, что-то печатая. Вид у него был сосредоточенный и... почти до крайности нетерпеливый? Свет экрана отражался на его четких чертах лица, то вспыхивая, то угасая.

С кем он переписывается? Так увлеченно, что даже не заметил окончания матча? Проклятый Чи Чэн! Может, это тот самый Ван Шо, что только что ушел? Или какой-то другой омега?

У Совэй почувствовал, как к горлу подкатывает волна горечи и гнева. Раздражение, которое он едва сдерживал, вновь нахлынуло, грозя поглотить его целиком.

— Парни! Погнали! В наше место! Раз победили, капитан угощает! Заказываем хого! Гуляем до утра! — капитан широко махнул рукой, и это на миг развеяло мрачные мысли У Совэя.

Как новоиспеченный альфа, чьи физические данные и ментальная сила значительно превосходили его прежние показатели беты (У Совэй переродился в этом теле и пережил редкое вторичное распределение), он получал стипендию для одаренных студентов. Его

финансовое положение заметно улучшилось, по крайней мере, ему больше не нужно было, как в прошлой жизни, выбиваться из сил ради платы за учебу и жизнь. К тому же, этот праздничный хого оплачивался из командного бюджета!

В раздевалке стоял густой пар, пропитанный запахом пота, феромонов и геля для душа. У Совэй принял ледяной душ, который на время остудил его внутренний жар. Переодевшись в чистую футболку и куртку, он вместе с остальными отправился в «Чуаньвэйцзюй» — студенческую забегаловку, славящуюся вкусным и недорогим хого.

Красное масло кипело, источая пряный аромат. Пиво лилось рекой. Товарищи шумно обсуждали матч, хвастаясь своими успехами. У Совэй на время отбросил тревоги, погрузившись в шумную атмосферу, громко смеясь и налегая на мясо. Острая еда будоражила рецепторы, холодное пиво приятно обжигало горло, принося кратковременное забытие.

Засиделись до десяти вечера. У Совэй выпил немало пива, потом перешел на крепкие напитки. Лицо горело, взгляд стал расфокусированным. Попрощавшись с товарищами, он, пошатываясь, добрался до общежития. Сяо Пан после застолья сразу умотал в компьютерный клуб на всю ночь.

В пятницу в комнате никого не было — остальные либо пошли на свидания, либо зависали в клубах. В общежитии царила тишина и темнота. У Совэй на ощупь включил свет, сбросил пропахшую хого куртку и, покачиваясь, побрел в ванную.

Теплая вода смывала запах алкоголя и усталость, но вызвала странный жар. Он быстро ополоснулся, даже не высушил волосы — с кончиков прядей продолжала капать вода. Натянув свободную белую майку, открывающую крепкие плечи и руки, и домашние шорты, он босиком подошел к столу.

Он включил подержанный компьютер и зашел на стриминговую платформу. Одиннадцать вечера — самое время для полуночников. У Совэй поправил камеру и начал трансляцию.

У Совэй любил искусство, любил петь. В этом мире он хотел снова взяться за свою мечту. В последнее время он изучал правила перевода на другой факультет и пытался стримить в свободное время — это было и хобби, и способ подзаработать, чтобы найти своего наставника. Интересно, как он сейчас? Учитель, подождите меня...

В кабинете загородной виллы горела лишь тусклая лампа. Чи Чэн утопал в массивном черном кожаном кресле, почти сливаясь с тенью.

Он открыл зашифрованный альбом в телефоне. Там были снимки У Совэя, сделанные исподтишка: У Совэй на лекции, отчаянно борющийся со сном; У Совэй, громко смеющийся с соседями; У Совэй, у которого от острого перца покраснели губы...

Взгляд Чи Чэна потемнел, подушечки пальцев бессознательно гладили лицо на экране. Его Дабао был здесь, в том же городе, дышал тем же воздухом, но смотрел сквозь него. Это было в сто раз мучительнее любого периода гона.

Он переключился на чат с Го Чэньюем:

- Го-цзы, сделай одолжение, помоги найти одного человека.
- О-о-о, сам великий господин Чи просит о помощи? Солнце встало на западе? [усмешка]
- Цзян Сяошуай, учится в каком-то медицинском институте в городе S.
- Это... причина, по которой ты так занят в последнее время? [удивление]
- Найди и скажи мне. Живо!
- Ладно, ладно! [отдает честь]

Чи Чэн раздраженно потер переносицу. Если бы не Дабао... он бы ни за что не стал в это ввязываться. Он прекрасно помнил, как в прошлой жизни Цзян Сяошуай пострадал в университете, что разбило сердце У Совэю и Го Чэньюю. В этой жизни он обязан предотвратить это заранее. Появление Ван Шо — еще одна головная боль.

Сегодня у баскетбольной площадки фраза Ван Шо «Почему ты не мог принять меня в прошлый период гона?» чуть не заставила его сорваться. Хорошо, что он не принял, а то еще неизвестно, побрезговал бы им Дабао!

При мысли о прощальном «извините за беспокойство» от Ван Чжэня и о том, как Ван Шо вел себя, словно непробиваемая стена, Чи Чэна затошнило.

<http://bllate.org/book/19432/1903476>